

Аналогия в семантике и проблемы семантического метаязыка (на примере существительного *ВНИМАНИЕ*)

© 2020

Елена Владимировна Урысон

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; uryson@gmail.com

Аннотация: Цель настоящей работы — продемонстрировать, что в семантической системе языка, так же как и на уровне фонетики, морфологии и синтаксиса, действует аналогия. Результатом действия семантической аналогии является, во-первых, структура полисемии многозначного слова и, во-вторых, то или иное значение слова. Семантическая аналогия формирует структуру многозначности слова и помещает данное значение в определенную «клетку» этой структуры, в конечном итоге — в определенную «таксономическую клетку» понятийной системы языка, что определяет сочетаемость и, возможно, другие свойства данной лексемы (слова в данном значении). Однако, как это ни парадоксально, среди наших обыденных представлений может не оказаться того конкретного понятия, которое бы ей соответствовало. В результате семантика такой лексемы отражает внутреннюю логику языка, а не нашу систему понятий (обыденную, научную или какую-либо другую). Разумеется, семантика основной массы слов отражает наши обычные представления. Лексем, значение которых приходится описывать, прибегая к семантической аналогии, относительно немного. Однако они обнаруживаются среди самой употребительной лексики. Одним из таких слов является существительное *внимание*. На этом примере в статье демонстрируется действие аналогии в семантике, обсуждаются различия между семантической аналогией и метафорой, а также рассматриваются некоторые проблемы метаязыка семантики.

Ключевые слова: аналогия, метафора, метаязык, полисемия, предикатные имена, семантика

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00291а).

Первый вариант этой работы был доложен на конференции по компьютерной лингвистике «ДИАЛОГ 2019». Автор благодарит участников конференции и рецензентов «Вопросов языкознания» за конструктивные замечания.

Для цитирования: Урысон Е. В. Аналогия в семантике и проблемы семантического метаязыка (на примере существительного *ВНИМАНИЕ*). *Вопросы языкознания*, 2020, 5: 57–75.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.57-75

Analogy in semantics and semantic metalanguage issues: The case of Russian *VNIMANIE* ‘attention’

Elena V. Uryson

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; uryson@gmail.com

Abstract: The goal of the paper is to demonstrate that mechanisms of analogy operate not only on phonological, morphological and syntactic levels, but also on the semantic level of language. The impact of semantic analogy is exhibited both in polysemy of a certain word and in some of its meanings. Semantic analogy firstly generates a cell for a meaning in the structure of polysemy of a word. Secondly it forms this meaning as such. The cell for this meaning is in fact a taxonomy cell of the conceptual system of a given language. The paradox is that sometimes there is no such a notion among our everyday

conceptions. In this case mechanisms of semantic analogy shape the given meaning, and so this meaning accounts not for some real notion but for “internal logic” of the language’s semantic system. The point is that a given word in such meaning functions as if it denoted a real notion of this kind: it has syntactic and other features of words in analogous meanings but denoting real conceptions. It is self-evident that majority of natural language words denote our everyday conceptions. There are only a few words which should be described in the terms of semantic analogy. Still one can find such a word among most frequent stylistically neutral everyday words. Russian noun VNIMANIE ‘attention’ is one of such words. On this example I demonstrate mechanisms of semantic analogy and discuss some problems of semantic metalanguage. I also discuss distinctions between semantic analogy and metaphor.

Keywords: analogy, metalanguage, metaphor, polysemy, predicate nouns, semantics

Acknowledgements: The research is supported by Russian Science Foundation (project No. 19-012-00291a). The author reported the first version of this work at the conference in computational and theoretical linguistics “DIALOG-2019”. The author is grateful to conference participants and reviewers of *Voprosy Jazykoznanija* for constructive remarks.

For citation: Uryson E. V. Analogy in semantics and semantic metalanguage issues: The case of Russian VNIMANIE ‘attention’. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 5: 57–75.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.57-75

Введение

Цель настоящей работы — продемонстрировать, что на семантическом уровне языка, так же как и на уровне фонетики, морфологии и синтаксиса, действует аналогия. Результатом действия семантической аналогии является, с одной стороны, структура полисемии языковой единицы: слова, относящиеся к одному и тому же семантическому классу, имеют сходную структуру полисемии. С другой стороны, под действием аналогии может формироваться и само значение слова¹. Иными словами, благодаря действию семантической аналогии создается как «таксономическая клетка» в структуре полисемии слова, так и наполнение этой клетки, т. е. само понятие, сама семантика данной лексемы. Парадоксальным образом, среди наших обиходных или научных представлений может не оказаться того конкретного понятия, которое бы отражала эта лексема. В результате значение такой лексемы отражает внутреннюю логику языка, а не нашу систему понятий (обыденную, научную или какую-либо другую). Безусловно, основная масса слов (и их лексем) отражает наши обиходные представления. Лексемы, значение которых приходится описывать, прибегая к семантической аналогии, достаточно немногочисленны. Однако они обнаруживаются среди самой употребительной лексики. Одним из слов, демонстрирующих это действие аналогии в семантике, является существительное *внимание*. На этом примере мы опишем механизм семантической аналогии, обсудим различия семантической аналогии и метафоры, а также коснемся некоторых проблем метаязыка семантики. Предлагаемая работа продолжает исследование, результаты которого изложены в работах [Урысон 1995; 1996; 1998; 2003а; 2003б; 2007].

Аналогия в семантике — это многоаспектное явление. Хорошо известна одна из его составляющих — формирование структуры многозначности слова «по образцу» других полисемичных слов. Эта сторона семантической аналогии была, по-видимому, впервые описана М. М. Покровским на материале древних языков: в [Покровский 1895/1959] показано, что слова со сходной семантикой имеют аналогичную структуру полисемии. Более точно, если основная лексема многозначного слова X входит в то же семантическое поле, что и основная лексема многозначного слова Y, то эти многозначные слова X и Y развивают

¹ В дальнейшем будем называть слово, взятое в его одном конкретном значении, лексемой. Термин «лексема» принят в московской семантической школе; в целом, лексема соответствует лексико-семантическому варианту, или ЛСВ, А. И. Смирницкого. Многозначное слово представляется как упорядоченный (пронумерованный) набор лексем.

(имеют) сходные структуры полисемии. В первой половине XX в. неоднократно описывался частный случай этого явления — развитие по аналогии структуры полисемии у синонимов: если (основная) лексема многозначного слова синонимична (основной) лексеме другого слова, то эти слова развивают аналогичные структуры многозначности [Kroesch 1926; Meillet 1926; Stern 1931; Вандриес 1937; Kronasser 1952; Виноградов 1953; Шапиро 1955; Ullman 1964; Иванникова 1966]; из более поздних работ см. [Зализняк Анна 2006]. Этот частный случай действия аналогии в семантике получил название синонимической аналогии [Апресян 1974: 225]. Существенный шаг в исследовании развития по аналогии структуры лексической многозначности сделан в трудах Е. В. Падучевой (см., в частности, [Падучева 2004]) и ее учеников (в частности, в работе [Кустова 2004]). Е. В. Падучева показала, что слова из одного класса имеют единую «парадигму многозначности», и многие из этих парадигм были ею описаны. Поскольку объектом, подвергающимся действию аналогии, в данном случае является структура многозначности слова, то мы называем данный аспект семантической аналогии полисемической аналогией [Урысон 2003а: 54].

Действие семантической аналогии не ограничивается формированием структуры полисемии слова. Следующий шаг (это второй аспект семантической аналогии) состоит в формировании семантики лексемы, которая заполняет в структуре многозначности «клетку», возникшую в результате действия полисемической аналогии. В подавляющем большинстве случаев эта лексема обозначает реально существующий объект или же реальное понятие, т. е. клетка, сформированная действием полисемической аналогии, требуется для отражения каких-то обиходных представлений или реалий. Но в некоторых случаях ситуация оказывается сложнее: «клетка» возникла исключительно благодаря системности языка, и среди окружающих реалий и наших обыденных представлений нет того объекта или понятия, которые бы ей соответствовали. Тогда семантика лексемы формируется по аналогии с другими лексемами, занимающими те же «клетки» в структуре полисемии похожих слов. Эту сторону семантической аналогии мы называем концептуальной аналогией [Урысон 2003а: 55]. Логически формирование семантики лексемы, т. е. действие концептуальной аналогии, — это последний этап семантической аналогии.

Концептуальная аналогия гораздо менее очевидна, чем хорошо известная аналогия полисемическая. Кроме того, концептуальная аналогия отчасти напоминает метафору, и это усугубляет сложность ее описания. Наконец, метаязык современной семантики, в частности — семантический метаязык московской семантической школы, хорошо описывает «обычные» лексемы, отражающие наши реальные представления или обозначающие реальные или хотя бы воображаемые объекты, но может оказаться недостаточным в некоторых других случаях [Урысон 2003а; 2003б; 2011]. Поэтому описание концептуальной аналогии (даже на примере отдельного слова) неизбежно влечет обсуждение проблем метаязыка семантики и вопросов, связанных с метафорой.

Слово *внимание* представляет собой хороший пример действия как полисемической, так и концептуальной аналогии. Подчеркнем, что в русском языке есть и другие слова, структура полисемии которых и значение некоторых лексем естественно представляются как результат действия семантической аналогии [Урысон 1995; 1996; 1998; 2003а; 2003б; 2007]. Многие из них, как и слово *внимание*, описывают фундаментальные психологические способности человека или его внутренние состояния (процессы). Тем не менее каждое такое слово требует отдельного, «штучного» описания — для того чтобы показать действие полисемической и в особенности концептуальной аналогии, необходимо точно и подробно описать семантику и сочетаемость выбранных лексем. Поэтому в настоящей работе предлагается довольно подробное описание некоторых лексем слова *внимание* и на основе этого описания обсуждается как структура его полисемии, так и действие концептуальной аналогии. Образцом современной работы по теоретической семантике может служить статья Ю. Д. Апресяна [1995], в которой введение и обоснование важнейших понятий метаязыка семантики базируется на предложенном в статье лексикографически полном и точном описании двух русских синонимичных глаголов.

1.1. **ВНИМАНИЕ** — неточное имя действия от глагола *внимать*

В современном языке слово *внимание* употребляется в основном в коллокациях, ср.: *обратить внимание на что-л.*, *сосредоточить внимание на чем-л.*, *привлечь внимание к чему-л.*, *отвлечь внимание от чего-л.* и т. п. В подобных случаях значение слова с трудом вычленяется из значения словосочетания. На первый взгляд неясно даже, через какое родовое понятие можно истолковать слово *внимание*. Оказалось, что семантический анализ этого слова удобно начать с его словообразовательной модели.

Формально слово *внимание* является отглагольным именем действия (*nomen actionis*) от стилистически отмеченного глагола *внимать* (ср. *ходить* — *хождение*, *рисовать* — *рисование* и т. п.). Глагол *внимать* полисемичен; за недостатком места мы остановимся лишь на тех его лексемах, к которым возводятся интересующие нас лексемы существительного *внимание*.

В современном русском языке глагол *внимать* имеет два основных значения.

Первое значение — ‘слушать’; это лексема *внимать* 1, ср.:

- (1) *Это было молчаливое спокойствие океана, равнодушно внимающего крику чаек* (С. Довлатов).
- (2) *Под дубом в пестрой игре теней сидит таинственная арфистка (...). Мы останавливаемся, внимаем чудесным звукам* (А. Аксенов).

Другая лексема глагола *внимать* — это лексема *внимать* 2, которая представлена в случаях типа:

- (3) *Ученик с восторгом внимает этим прорицаниям учителя о земном рае* (А. Гуревич).
- (4) *Но сейчас Лариса тем не менее дает советы, а Рита — внимает* (Ю. Трифонов).

Внимать 2 (упрощенно): ‘слушать, стараясь [\approx прилагая усилия] ничего не пропустить’.

Как видно из примеров, такое слушание обычно предполагает особое отношение к тому, кто говорит: тот, кто слушает, считает его намного выше себя и потому с особым уважением, почтением, возможно, даже благоговением относится к его словам. Так слушают очень почитаемого, авторитетного человека. (Естественно, что указание на такое особое отношение к рассказчику и к его словам часто сочетается с иронией.) Итак, *внимать* 2: ‘почтительно слушать, стараясь ничего не пропустить’.

Обратимся теперь к слову *внимание*. Естественно ожидать, что существительное *внимание* хотя бы в некоторых контекстах ведет себя как имя действия, образованное от той или иной лексемы производящего глагола.

1.2. **Внимать** ‘слушать’ и некоторые лексемы слова *внимание*

Рассмотрим примеры:

- (5) *Прошу внимания!* [упрощенно: ‘Прошу слушать’].
- (6) *Внимание! Внимание!* [упрощенно: ‘Слушать! Слушать!’].
- (7) *Благодарю <спасибо> за внимание!* [упрощенно: ‘Благодарю, что слушали’].

Очевидно, что в этих контекстах представлена одна лексема слова *внимание*. Семантически данная лексема наиболее близка глагольной лексеме *внимать* 1 ‘слушать’, ср.: *Слушайте, слушайте!*; *Слушайте все*. Естественно считать, что перед нами — имя действия от лексемы *внимать* 1.

Имя действия по определению минимально отличается от производящего глагола: по Куриловичу [1962], это синтаксический дериват от глагола. Действительно, во многих случаях различия между глаголом и произведенным от него именем действия сводятся к морфо-синтаксическим различиям между глаголом и существительным². В данном случае различия между глаголом *внимать* и словом *внимание* несколько больше: лексема *внимание 1* стилистически нейтральна, а обе рассмотренные выше лексемы глагола *внимать* стилистически отмечены. Из-за последнего обстоятельства носитель языка не ощущает связь между глаголом *внимать* и данной лексемой *внимание*: глагол *внимать* скорее не относится к его активному запасу, а слово *внимание* безусловно входит в активный словарь носителя языка. Однако с точки зрения системы языка имя действия и в этом случае семантически максимально близко производящему глаголу. Естественнее поэтому принять, что перед нами — исходное, логически первое значение слова *внимание*. Обозначим данную лексему *внимание 1*. Во многих сочетаниях со словом *внимание* (ср. *уделять внимание*) присутствуют другие лексемы этого слова, они рассматриваются ниже.

Лексема *внимание 1* употребляется в ограниченном наборе речений, приведенных выше, а также в сочетаниях *воспользоваться вниманием* ‘воспользоваться тем, что субъекта слушают’; *использовать внимание* ‘использовать ситуацию, когда субъекта слушают’ и т. п. Ср.:

- (8) — *Помню, как сейчас, стояли мы под Тихорецком, — начал было дядя Паша, воспользовавшись вниманием гостей* (Ф. Искандер) [упрощенно: ‘воспользовался тем, что его слушали’].

Перейдем к другому кругу контекстов — в них представлена очередная лексема существительного *внимание*. Обозначим эту лексему существительного *внимание 2*.

- (9) *Выполнение этого теста требует особого внимания.*
 (10) *Все работы проверялись с большим вниманием.*
 (11) *Молодые игроки удвоили внимание* (А. С. Пушкин).
 (12) *Он с каким-то особенным вниманием всегда осматривает их квартиру* (Ю. Трифонов).
 (13) *Генерал Сиверс с какой-то грустью и напряженным вниманием глядел на все это* (И. Грекова).
 (14) *Все, что она делала, казалось ему необычайно значительным, он следил за ней со вниманием и восторгом* (И. Грекова).

Эти контексты принципиально отличаются от разобранных выше — в них слово *внимание* не указывает на слуховое восприятие. Более точно, в таких контекстах слово *внимание* указывает на то, что субъект при восприятии чего-л. или при выполнении каких-л. действий старается (т. е. прилагает усилия) ничего не пропустить, не ошибиться. Именно этот компонент выносится в вершину толкования существительного.

Упрощенно: *внимание 2* ‘старание ничего не пропустить при восприятии или выполнении’. Компонент ‘стараться [≈ прилагать усилия] ничего не пропустить при восприятии’ сближает данную лексему *внимание* с глагольной лексемой *внимать 2*.

Лексемы *внимание 1* и *внимание 2* связаны между собой определенными отношениями внутри структуры полисемии существительного. При этом они обе формально восходят к глаголу *внимать*, и каждая из них семантически связана со «своей» глагольной лексемой. Мы возводим лексему *внимание 2* к глагольной лексеме *внимать 2*, в семантику которой входит компонент ‘стараться ничего не пропустить’. Существенно, что семантический переход от производящей глагольной лексемы *внимать 2* к лексеме существительного

² О возможных тонких системных отличиях имени действия от глагола см. [Урысон 1996; 2003а].

внимание 2 сопровождается достаточно нетривиальными семантическими трансформациями. Во-первых, снимается указание на почтительность, и во-вторых, в вершину выносятся другой компонент (который не был вершинным в семантике глагольной лексемы).

1.3. Внимать ‘делать, как побуждают’ и еще некоторые лексемы слова внимание

Глагол *внимать*, кроме рассмотренных выше значений, имеет еще одно, тесно связанное с идеей слухового восприятия, ср.:

- (15) *Наконец он внял ее мольбам.*
- (16) *Но не все внимают добрым советам.*
- (17) *Ни патриарх, ни думные бояре Склонить его доселе не могли; Не внемлет он ни слезным увещаньям, Ни их мольбам, Ни воплю всей Москвы* (А. С. Пушкин).
- (18) *Нежная мать посылала ему исправно деньги и в каждом письме просила его, чтобы он скорее усовершенствовался в науках и ехал бы домой (...). Но добрый сын не внимал мольбам старой матери* (Т. Г. Шевченко).

Данная лексема — назовем ее *внимать 3* — стилистически отмечена как устаревшая или высокая. В самом первом приближении ее можно истолковать так: ‘слушая человека или как-то иначе воспринимая его, сделать так, как он побуждает’.

Заметим, что полисемия глагола *внимать* в этом пункте аналогична полисемии глагола *слушать* — последний тоже имеет лексему со значением ‘слушаться’, ср.: *Он никого не слушает; Ты единственный человек, которого он будет слушать <послушает>*. Данная лексема глагола *слушать* имеет ряд производных, тоже выражающих идею повиновения: *слушаться / послушаться, (не)послушный*. Ср.: *В детстве он никого не слушался; Он послушался и пошел к врачу; Дети росли послушными <непослушными>*.

У существительного *внимание* тоже обнаруживается употребление, выражающее идею реакции на побуждение. Оно представлено в устойчивом сочетании *оставить без внимания*. Ср.:

- (19) *Просьбу <заявление> оставили без внимания.*

Перед нами имя действия от лексемы *внимать 3*. Данное имя действия представлено в устойчивом сочетании, а в таких ситуациях не принято говорить об особом значении слова. Но в данном случае слово *внимание* вполне поддается системному анализу. Удобно считать, что слово *внимание* здесь — это новая «единица описания», которую мы будем считать отдельной лексемой *внимание 3.1*³.

В следующих контекстах слово *внимание* имеет более широкое значение. Ср.:

- (20) *Критика тоже удостоила этот роман вниманием.*
- (21) *Он счел достойным внимания только одну картину.*
- (22) *Две-три из них <девушек> определенно заслуживали внимания* (В. Аксенов).
- (23) *Если УИ существуют, тем самым они заслуживают внимания, а значит, изучения* (И. Грекова).

³ Лексическая единица, выступающая в очень ограниченном круге контекстов, обычно не признается полноценной лексемой слова; Ю. Д. Апресян [2001] предложил называть такие случаи употреблением слова. Для наших целей, однако, различие между лексемой и употреблением несущественно.

В этих контекстах речь идет о реакции не на побуждение, а — шире — на воспринимаемый объект (человека, роман, спектакль, явление и т. п.). Реакция на объект состоит в том, что субъект выделяет его из массы подобных объектов (замечает) и какое-то время сосредоточенно его воспринимает. Кроме того, субъект, скорее всего, думает о нем, реагирует на него эмоционально, возможно, что-то делает в связи с ним и т. п. Такая реакция может быть откликом («социальная» реакция, ср. (20)), но может остаться внутренней, личной, ср. (22). Мы понимаем, как именно реагирует человек на воспринимаемый объект, из широкого контекста, из общих знаний о мире.

Итак, *внимание* в контекстах типа (20)–(23) — это, упрощенно, ‘сосредоточенное восприятие объекта и реагирование на него’ ≈ ‘такое восприятие объекта, когда субъект выделяет данный объект из множества других, старается как можно больше заметить в объекте и обычно как-то реагирует на него’. Перед нами отдельная лексема слова *внимание*. Назовем ее *внимание 3.2*.

Указание на сосредоточенность (выделение объекта из массы других и старание заметить как можно больше) объединяет данную лексему с лексемой *внимание 2* (ср. *Все работы проверялись с большим вниманием*). Однако указание на реагирование сближает данную лексему с *внимание 3.1*, почему мы и объединяем эти лексемы в единый блок.

Конкретный вид реагирования зависит от типа объекта и субъекта и многих общих сведений об устройстве мира. Отметим, что выражение *оставить без внимания* может употребляться и в этом, более широком смысле. Ср.:

- (24) *Историк не оставит без внимания популярных пособий по богословию, предназначенных для рядового духовенства* (А. Гуревич).
- (25) *Могли ли эти слухи не дойти до матери, и могла ли она оставить их без внимания?* (А. Рыбаков).

Можно было бы считать, что во всех этих случаях представлены не две разные лексемы *внимание 3.1* и *внимание 3.2*, а одна и та же лексема *внимание 3* с достаточно широким значением. Мы, однако, примем описание, в котором лексема *внимание 3.1* — это почти точное имя действия от *внимать* ‘делать, как побуждают’. А от этого имени действия образована лексема *внимание 3.2*, представленная в случаях (20)–(25). Семантический переход от лексемы *внимание 3.1* к лексеме *внимание 3.2* заключается, в частности, в снятии компонента ‘побуждение’. Такое описание удобнее, так как позволяет проследить логические связи между глаголом *внимать* и существительным *внимание*.

1.4. Предварительные итоги: фрагмент полисемии существительного *внимание*

Выделенные выше четыре лексемы слова *внимание* (из которых две объединяются в блок) представляют собой имена действия от разных лексем глагола *внимать*. А именно: *Внимание 1* — это имя действия от *внимать 1* ‘слушать’; ср.: *Внимание! ‘Слушайте!’*.

Внимание 2 — это (условно) неточное имя действия от *внимать 2* ‘воспринимать, прилагая усилия ничего не пропустить’; ср.: *удвоить внимание*.

Внимание 3.1 и *внимание 3.2* — это неточные имена действия от *внимать 3* ‘реагировать (на просьбу)’; ср.: *оставить заявление без внимания; ноль внимания*.

Во всех рассмотренных выше контекстах сочетаемость лексем слова *внимание* вполне прозрачна. В этих контекстах можно заменить лексему *внимание* на вершинный компонент ее толкования — в результате получится очень упрощенный, огрубленный, стилистически корявый, но все же перифраз исходного высказывания. Ср.: *Благодарю за внимание* — *Благодарю за слушание; удвоить внимание* — *удвоить усилия ничего не пропустить,*

не ошибиться; оставить без внимания — оставить без реакции; заслуживать внимания — заслуживать, чтобы (на это) реагировали. Ср. также: *Ноль внимания* и *Реакций — ноль*. Возможность такой подстановки служит аргументом, подтверждающим справедливость предлагаемого описания.

Однако слово *внимание*, точнее — лексемы блока 2 и 3, выступают еще в целом ряде совершенно стандартных устойчивых сочетаний, которые как будто можно интерпретировать только как метафорические. Перейдем к этой сочетаемости слова *внимание*. Предложенный фрагмент структуры многозначности слова *внимание* понадобится нам ниже для обоснования системности этой сочетаемости.

Оговорим, что мы оставляем в стороне терминологическое употребление слова *внимание*, в котором оно обозначает определенный психический процесс. Ср.: *механизмы контроля внимания у младенцев; способности человека к вниманию, восприятию и, в итоге, к пониманию*. Кроме того, за пределами нашего описания остаются случаи типа *Больной требует внимания; Каждый человек нуждается во внимании*. Существительное *внимание* здесь представлено особой лексемой *внимание*, которая сближается с лексемой *внимание* 3.2, однако для дальнейшего рассуждения эта новая лексема не важна.

2.1. Сочетаемость существительного *внимание*

Внимание ‘реагирование’, точнее лексемы блока 2 и 3 слова *внимание*, употребляется преимущественно в составе устойчивых сочетаний *обратить <обращать> внимание, не обратить <обращать> внимания, привлечь <привлекать> внимание, отвлечь <отвлекать> внимание*⁴. Обратим внимание на то, что предикаты *привлечь, обратить, обращать* в своих исходных значениях обозначают физическое действие, которому подвергается другой объект, а именно его перемещение. Ср. *устар. привлечь быка на аркане* ‘притащить, приволочь’ [СУш]; *привлечь девушку к себе* ‘притянуть’; *обратить орудия на неприятеля* ‘повернуть’. Глагол *отвлечь* тоже еще во времена Пушкина обозначал действие ‘переместить’, ср.: *Войска отовсюду были отвлечены в Турцию и в волнующуюся Польшу* (А. С. Пушкин).

Внимание ‘реагирование’ образует еще ряд других сочетаний с глаголами, которые в своем исходном значении указывают на физическое действие, в частности на перемещение или его остановку. Ср.: *фиксировать внимание; (за)владеть вниманием; ускользнуть от внимания*. Возможно также *остановить <задержать> внимание* и *Внимание останавливается <задерживается> на чем-л.*

Требуется понять, содержит ли слово с общим значением реагирования, т. е. действия или процесса, такие семантические компоненты, которые обеспечивают сочетаемость с этими предикатами. Современные семантические описания подобными вопросами, как правило, не задаются (известные нам исключения — работы [Апресян 2004] и [Урысон 1998; 2003а]). Действительно, правомерно считать, что лексема *внимание* представлена в этих сочетаниях в своем прямом значении, а глагол десемантизируется до абстрактного значения, выражаемого лексическими функциями (ЛФ) типа *Орег* и т. п. Тогда, например, *обратить внимание* = *InserOрег₁ (внимание)*, *привлечь внимание* = *Saus (внимание)*. Остается, однако, вопрос, почему для выражения этих ЛФ при слове *внимание* язык выбрал именно данные глаголы с исходным значением физического воздействия и перемещения. Ведь казалось бы, десемантизироваться до подобных значений могут и другие русские глаголы.

В подобных случаях принято говорить о метафоре или о метафорической сочетаемости лексемы. Использование этого подхода применительно к данному материалу будет

⁴ Для простоты изложения мы не будем в дальнейшем различать лексемы 2 и 3 слова *внимание*: заинтересованный читатель может без труда проделать эту работу.

рассмотрено в разделе 3. Сейчас попытаемся предложить другое, как кажется, более системное описание материала.

Прежде всего заметим, что сочетаемость данной лексемы *внимание* схожа с сочетаемостью слов *взгляд* и *взор* в их основных значениях. Ср.: *обратить взгляд* (*Он обратил взгляд <взор> на вошедшую*), *привлечь взгляд* (*Она привлекала все взгляды <взоры>*), *остановить взгляд* (*Он остановил взгляд на одной картине*), *задержать взгляд*, *фиксировать взгляд*, *ускользнуть от взгляда* (*От ее взгляда не могла ускользнуть ни одна мелочь*). И данная лексема *внимание*, и слова *взгляд* и *взор* почему-то сочетаются с глаголами каузации перемещения (движения) и прекращения перемещения (движения)⁵. При этом у слов *взгляд* и *взор* сочетаемость с такими глаголами еще шире, ср.: *устремить взгляд*, *перевести взгляд*, *обвести <окинуть, смерить, обшарить> взглядом*, *опустить <поднять> взгляд* и т. п. Продемонстрируем, что поведение слов *взгляд*, *взор* и рассматриваемых лексем слова *внимание* подчиняется одним и тем же закономерностям.

2.2. Экскурс о словах *взгляд* и *взор*

Слова *взгляд* и *взор* в их основном значении функционируют как синонимы слова *глаза*. Более точно, если речь идет о глазах, которые смотрят, об активно действующих глазах, то слова *глаза*, *взгляд* и *взор* выступают как вполне точные синонимы. Ср.: *Он устремил глаза <взгляд, взор> на вошедших*; *Она остановила глаза <взгляд, взор> на самом дорогом браслете*; *Он обвел двор глазами <взглядом, взором>*; *Она скользила глазами <взглядом, взором> по строчкам*; *Ее глаза задержались всего на одной картине — Ее взгляд <взор> задержался всего на одной картине* и т. п.

Этот факт нуждается в объяснении. Действительно, *глаза* — это физический объект, часть лица, а *взгляд* и *взор* — это нечто совсем другое. Их нельзя считать физическими объектами. За счет чего возникает эта синонимия, в частности, почему слова *взгляд* и *взор* имеют ту же сочетаемость, что и слово *глаза*?

Прежде всего заметим, что приведенные сочетания со словом *глаза* легко интерпретировать, не прибегая к понятию метафоры. Дело в том, что язык точно уловил одну особенность функционирующих глаз — их зрачки находятся в движении, останавливаясь на том объекте, который привлёк внимание человека. Именно поэтому слово *глаза* нормально сочетается с глаголами движения, манипулирования, ср. примеры выше. Иногда движутся и веки, ср.: *опустить <потупить, поднять> глаза*. В подобных сочетаниях *глаза* предстают уже не просто как орган зрения, благодаря которому человек видит, а как орган-инструмент, с помощью которого человек смотрит. Понятие орган-инструмент введено Ю. Д. Апресяном [1974: 128–129]; оно естественно приложимо к пальцам человека или к руке. Благодаря движению зрачков (а иногда и век), язык интерпретирует как орган-инструмент и *глаза*.

Требуется объяснить, почему слова *взгляд* и *взор* имеют такую же «инструментальную» сочетаемость, что и слово *глаза*.

И *взгляд*, и *взор* по форме являются отглагольными именами действия. Правда, в современном русском языке слово *взор* в таком значении уже не употребляется, а *взгляд* как имя действия встречается лишь в ограниченном круге контекстов. Ср.: *Одного взгляда на них достаточно, чтобы понять, что это за люди* ≈ ‘достаточно один раз взглянуть’; *Два-три его взгляда — и девушка готова на все*; ср. также *любовь с первого взгляда*.

Отглагольное существительное со значением действия, как правило, полисемично — в частности, оно развивает значение инструмента действия (например, устройства, приспособления и т. п.). Ср.: *отвертка (винтов — для мелких винтов)* [СУШ], *разводка*

⁵ Для краткости мы позволим себе далее называть такие глаголы глаголами манипулирования.

(пилы) — разводка (для пилы), поднос (посуды) — поднос (для посуды), отопление (помещения) — ремонт отопления, проводка (электричества — электрическая) и т. п. Этот тип многозначности подробно описан в книге [Апресян 1974: 198–199], откуда взято большинство приведенных примеров.

Инструментальное значение закономерно развивают и существительные *взгляд* и *взор*. Так они сближаются со словом *глаза* — обозначением органа-инструмента. Логическим завершением этой деривации было бы совпадение семантики слов *взгляд* и *взор* с семантикой слова *глаза*. Это и произошло со словом *взор*: форма мн. *взоры* в языке XVIII — начала XIX в. значила то же, что *глаза*. Именно так толкует ее [САР], ср. примеры оттуда: *И светло-голубые взоры / Ея всечасно слезы льют* ‘Ее светло-голубые глаза постоянно льют слезы’ (Г. Р. Державин); *Слепит блеск молний взоры* (И. А. Крылов) ‘Блеск молний слепит глаза’.

Слово *взгляд*, в отличие от своего синонима *взор*, «остановилось на полдороге»: оно стало обозначать как бы инструмент смотрения, но не сами глаза. Поэтому слово *взгляд* ведет себя как обозначение инструмента смотрения, которым манипулирует субъект. Благодаря этому слово *взгляд*, как и *взор*, сближается семантически со словом *глаза*, обозначающим реальный, материальный орган-инструмент смотрения. Ср. уже приводившиеся сочетания: *устремить взгляд <взор> на кого/что-л.*; *остановить взгляд <взор> на ком/чем-л.*; *обвести кого/что-л. взглядом <взором>*; *скользить взглядом <взором> по кому/чему-л.*; *задержать взгляд <взор> на ком/чем-л.* и т. п.

С незавершенностью развития инструментального значения у слова *взгляд* связана и основная трудность описания его семантики. Логика деривации помещает слово *взгляд* в разряд инструментов или органов-инструментов. Однако инструмент — это предмет, специально созданный (или приспособленный) человеком для выполнения определенных действий, определенной работы, а орган-инструмент — это часть тела человека (свободно движущаяся). В значении слова *взгляд* этих компонентов нет. Из-за этого как неискушенный носитель языка, так и лексикограф не согласятся с тем, что *взгляд* — это «инструмент или орган-инструмент смотрения». Тем не менее инструментальное употребление лексемы *взгляд* поддерживается некоторыми реальными представлениями носителей языка.

Рассмотрим в связи с этим еще один специфичный круг употреблений этого слова. Ср.: *чувствовать <заметить> на себе чей-либо взгляд, поймать на себе чей-либо взгляд, (не) выдержать чей-либо взгляд* (ср.: *Он спокойно выдержал его взгляд*), *гипнотизировать взглядом* (ср.: *Удав гипнотизирует жертву взглядом*); возможно даже *Она взглядом перемещает предметы*. Здесь речь идет о (почти) физическом воздействии на другого человека. Мы полагаем, что во всех подобных контекстах инструментом этого воздействия является *взгляд*. Подчеркнем, что мы имеем здесь дело не с метафорой. Иногда человек ощущает, что на него смотрят, поэтому сочетания *(по)чувствовать на себе чей-либо взгляд, поймать на себе чей-либо взгляд* описывают вполне реальное, близкое к физическому, хотя и совершенно особое, ощущение. Ср.: *Он почувствовал, что на него смотрят, и обернулся; В пустом коридоре он почувствовал на себе чей-то взгляд, но приложил все силы, чтобы идти не оглядываясь*⁶.

Что же представляет собой *взгляд* как инструмент воздействия? Можно предположить, что *взгляд* — это особая сила, возможно — нечто похожее на свет; ср. в связи с этим сочетания *взгляд упал* (как *луч упал*), *бросить взгляд* (как *бросить луч света*). Однако подобных сочетаний слишком мало, чтобы на их основании делать серьезные выводы о том, что в значении слова *взгляд* содержатся подобные компоненты.

Инструментальное употребление слова *взгляд*, с одной стороны, может быть поддержано нашими представлениями о действительности, а с другой стороны, является закономерным продуктом системы языка: у отглагольного существительного — имени действия

⁶ Представление о воздействии, точнее о магическом воздействии, которое может оказывать *взгляд* человека, его глаза на другого человека или на физические объекты, хорошо представлено в славянских верованиях [СД, 1: 500–502].

естественно развивается инструментальное употребление. Мы сталкиваемся здесь с действием аналогии: имя действия *взгляд* развивает инструментальное значение по аналогии с другими именами действия. Этот процесс, однако, не дошел до конца: у слова *взгляд* имеется лишь «инструментальная сочетаемость», а не полноценная лексема со значением инструмента. При этом исходное употребление слова *взгляд* как имени действия оттесняется на периферию, а инструментальное употребление, логически непервое, производное, становится центральным по употребительности.

Инструментальная семантика лексемы *взгляд* не ощущается носителями языка — вряд ли кто-нибудь согласится признать *взгляд* инструментом смотрения. Мы объясняем это тем, что данное «недоразвившееся значение» обязано своим существованием исключительно действию аналогии. Более подробное описание слов *взгляд* и *взор* см. в работах [Урысон 1998; 2003а].

2.3. Инструментальная семантика слова *ВНИМАНИЕ* и проблемы метаязыка семантики

Вернемся к инструментальной сочетаемости рассматриваемых лексем *внимание*. Очевидно, что эта сочетаемость является результатом «давления системы», т. е. действия аналогии. Попытаемся представить механизм этого действия.

Будучи *nomen actionis*, слово *внимание*, подобно другим именам действия, «стремится» развить (иметь) свойственную таким словам структуру полисемии. Точнее, под действием полисемической аналогии в структуре многозначности этого слова при каждой рассмотренной выше лексеме, обозначающей имя действия, «намечается» клетка для обозначения инструмента. Однако у действия *внимать* (точнее — у действий, обозначаемых разными лексемами глагола *внимать*) реального инструмента нет: данная клетка возникла как продукт «системности языка». Какая же семантика заполняет эти клетки?

На первый взгляд, этот вопрос кажется схоластическим. Очевидно, что инструментальная сочетаемость слова *внимание* мотивируется «давлением системы», но за этим вряд ли стоит какая-либо семантика — у данного действия нет никакого инструмента. В этом коренное отличие слова *внимание* от слова *взгляд* или *взор*. Действия ‘смотреть’, ‘взглянуть’ предполагают орган-инструмент — глаза. Поэтому слова *взгляд* и *взор* попадают в клетку системы, где находится обозначение реального «органа-инструмента смотрения». Но *внимать* ни в каком своем значении не предполагает какого-либо органа-инструмента, и инструментальная семантика слова *внимание* предстает исключительно как результат «игры» системы языка.

Однако с точки зрения современной лингвистики мотивированная и регулярная сочетаемость слова обеспечивается его семантикой. Сложность состоит в том, что у рассматриваемых лексем слова *внимание* инструментальное значение лишь «слегка намечено» и является еще более «недоразвившимся», чем инструментальное значение слова *взгляд*. Остается признать, что «наметившиеся» клетки для обозначения инструмента в структуре полисемии слова *внимание* заполняются столь же «слегка наметившимися» инструментальными значениями. Это «слегка наметившееся» инструментальное значение представляет собой результат действия концептуальной аналогии.

Итак, инструментальная сочетаемость слова *внимание* мотивирована тем, что в результате действия семантической аналогии в структуре полисемии этого слова при каждой лексеме — имени действия намечается клетка для обозначения инструмента, и она заполняется «слегка наметившимся» инструментальным значением. Действительно, обычным инструментом можно управлять, манипулировать, в частности, каузировать его движение или перемещение — и рассматриваемые лексемы слова *внимание* сочетаются с глаголами каузации движения (перемещения). Ср.: *обратить внимание*, *(не) обращать внимания*,

привлечь внимание, отвлечь внимание; остановить <задержать, фиксировать> внимание; завладеть вниманием; приковать внимание; охватить вниманием. Аналогично: в сфере внимания — как ‘в сфере действия инструмента’. (Разумеется, глаголы в этих сочетаниях выступают в несколько выхолощенном значении. Однако этот сдвиг в их семантике, на наш взгляд, невелик, а главное — вполне прозрачен.)

При этом данный «инструмент», как и взгляд, может описываться как действующий самостоятельно. Ср.: *Взгляд остановился — Внимание остановилось, ускользнуть от взгляда — ускользнуть от внимания* и т. п. К таким инструментальным употреблением слова *внимание* мы относим и контексты типа *Вашему вниманию предлагается...; Внимание покупателей!*

Существенно, что в структуре полисемии слова *внимание* намечаются и другие «клетки», обычные для имени действия. Так, в языке широко представлена полисемия типа ‘действие’ — ‘средство действия’, ср.: *обивка (дивана кожей — кожаная), растопка (печи — сырая), покрытие (дороги гудроном — асфальтовое), ограждение (железнодорожного полотна — проволочное)* и т. п. [Апресян 1974: 197–198]. Клетка для обозначения средства «в зародыше» присутствует и в семантической структуре слова *внимание*, причем эту клетку заполняет столь же «зарождающееся» значение средства. Примером этого значения служит сочетание *уделить внимание кому/чему-л.*, ср. обычные сочетания с обозначениями средства: *выделить деньги, уделить время* и т. п. Аналогичным образом устроено и словосочетание *сосредоточить внимание*, где глагол *сосредоточить* обозначает определенное перемещение ресурса (средства), ср. *сосредоточить войска (на границе)*.

Существительное со значением имени действия закономерно развивает значение ‘место действия’, ср.: *вход караула — у входа в дом, проход войск — загородить проход, быстрая остановка — автобусная остановка* [Апресян 1974: 199–200]. Место действия может пониматься расширенно — как множество объектов, на которые действие распространяется. Клетка для обозначения места действия намечается и в семантической структуре слова *внимание*, ср.: *принять во внимание; в центре внимания*. По нашей интерпретации: *принять во внимание* — ‘включить в множество объектов, которые выделяет и на которые реагирует субъект’. *В центре внимания* — ‘в центре того множества объектов, которые выделяет и на которые реагирует субъект’.

Оговорим, что не вся сочетаемость обсуждаемых лексем *внимание* может быть объяснена таким образом. Так, в случаях *сосредоточенное внимание, рассеянное внимание, мрачное внимание* и т. п. имеет место метонимический перенос определения с обозначения человека на обозначение его действия. В первом приближении: *внимание сосредоточенного <рассеянного, мрачного, угрюмого> человека — сосредоточенное <рассеянное, мрачное, угрюмое> внимание*.

Итак, стандартная сочетаемость слова *внимание* вполне соответствует стандартной сочетаемости имен действия с присущей им структурой полисемии. Это проявление действия аналогии в семантике. В результате действия полисемической аналогии в структуре многозначности слова *внимание* намечаются соответствующие клетки. Под действием концептуальной аналогии эти клетки заполняются недоразвившейся, выхолощенной семантикой инструмента, средства или места.

Требуется ответить на вопрос, как отразить эти едва намотившиеся, недоразвившиеся значения на семантическом метаязыке. Дальнейшее рассуждение базируется на следующих допущениях.

Семантика естественного языка описывается средствами самого естественного языка [Жолковский 1964; Wierzbicka 1969; Апресян 1974]⁷. При этом следует различать семантику конкретного естественного языка и универсальную семантику, выражаемую любым естественным языком. Один из путей такого описания семантического уровня языка

⁷ За недостатком места мы ограничиваемся ссылками на первые и самые известные работы по данной проблеме.

предложен Ю. Д. Апресяном [1980]. Этот путь аналогичен концепции описания других уровней языка (в частности, синтаксического и морфологического), развиваемой в [Мельчук 1974; 1997]. В концепции И. А. Мельчука синтаксический и морфологический уровни расщепляются на два подуровня — глубинный и поверхностный. На глубинно-синтаксическом и глубинно-морфологическом уровне описываются «универсальный синтаксис» и «универсальная морфология» как свойства естественного языка вообще. На поверхностно-синтаксическом и поверхностно-морфологическом уровне описывается синтаксис и морфология данного конкретного языка. При этом задан набор правил, обеспечивающих переход от глубинного уровня к поверхностному и наоборот. Аналогичным образом семантический уровень языка расщепляется на два подуровня — поверхностный и глубинный: в концепции Ю. Д. Апресяна поверхностно-семантический уровень предназначен для представления национально-специфичных смыслов, а глубинно-семантический уровень предназначен для универсального описания семантики естественного языка вообще. При этом, как показано Ю. Д. Апресяном [1995], семантика естественного языка описывается лексемами того же языка лишь на поверхностно-семантическом уровне. На глубинно-семантическом уровне в качестве единиц метаязыка используются принципиально иные сущности. «Универсальная (cross-cultural, глубинная) семантика должна строиться (...) на основе искусственного логического языка, словами которого будут (...) пересекающиеся части квазипереводящих друг друга слов естественных языков» [Там же: 481].

Вернемся к представлению семантики «недоразвившихся» лексем со значением инструмента, средства или места действия слова *внимание*. Для простоты ограничимся представлением инструментальной семантики этого слова.

В языке не существует лексем, которые бы обозначали такую «едва наметившуюся» инструментальную семантику. Действительно, значение инструмента (устройства, приспособления и т. п.) выражается в языке словами с гораздо более богатой семантикой, в которую, в частности, входит указание на предмет или орган (часть тела). Обозначить эту, в каком-то смысле «выхолощенную» инструментальную семантику можно только каким-то символом, например «instr». Семантический компонент, обозначаемый этим символом, является результатом препарирования нормальных русских слов *инструмент* или *орган*, результатом «извлечения» из них этой «частички смысла».

Можно предположить, что предлагаемый конструктор «instr» является единицей метаязыка, описывающего универсальную глубинную семантику естественного языка вообще. На наш взгляд, это предположение неверно: данный семантический компонент отнюдь не является «пересекающейся частью квазипереводящих друг друга слов естественных языков» [Апресян 1995: 481], т. е., например, слов *инструмент*, *орган* и их переводных эквивалентов (хотя данный компонент, безусловно, входит в это пересечение). Дело отчасти в том, что прототипическим инструментом является физический объект, которым манипулирует («орудует») человек, а предлагаемый конструктор «instr» не обозначает никакого материального объекта.

Как бы то ни было, смысл «instr» определяет «семантический каркас» лексем слова *внимание* как с точки зрения структуры полисемии имени действия, так и с точки зрения их сочетаемостных особенностей. Однако выражение, содержащее символ такого конструктора, не может называться толкованием: толкование лексемы по определению является выражением на естественном языке или — при описании универсальной глубинной семантики — выражением на соответствующем универсальном метаязыке, как он определен в [Апресян 1995].

Обсуждаемые здесь (а также введенные ранее [Урысон 2001; 2003а]) конструкторы близки кваркам Ю. Д. Апресяна, последняя классификация которых изложена в работе [Апресян 2009]. Однако кварками, как они определены Ю. Д. Апресяном, являются (а) «пересекающиеся (общие) части значений семантического примитива и его ближайшего синонима» (ср. «общее семантическое ядро» примитива *хотеть* и его синонима *желать*) или (б) «пересекающиеся (общие) части значений некоторых семантических примитивов» (ср. *знать*, *считать*, *хотеть*, *чувствовать*, «в значениях которых есть то общее, что все

они являются названиями разного рода внутренних состояний человека») [Там же: 15–16]. Предлагаемый здесь конструкт «instr» (как и другие конструкты из цитированных выше работ автора) не определяется через примитив. Такие конструкты мы называем «долексемными смысловыми элементами» [Урысон 2011]. Обсуждение соотношения кварков Апресяна и долексемных элементов представляет собой отдельную задачу, которой мы сейчас не касаемся за недостатком места.

Анализ семантики слова *внимание* позволяет уточнить понятие семантической разложимости лексемы. Естественно считать, что лексема семантически разложима, если в ее значении выделяются семантические компоненты. Обычно по умолчанию считается, что если лексема разложима, то значит, она толкуема, т. е. ее значение представляется в виде толкования — выражения на естественном языке. Мы убедились, что это необязательно: у слова *внимание* обнаруживается лексема, которая разложима, но ее семантика не представляется в виде выражения на естественном языке, т. к. один из компонентов ее значения можно обозначить лишь условным символом. В настоящее время известны и другие примеры нетолкуемых, но семантически разложимых лексем: это лексема *взгляд*, имена действия и некоторые союзы, в частности один семантический примитив — союз *если* в его основном значении [Урысон 1996; 2001; 2003а; 2011].

Таким образом, приняв, что в значении лексемы может выделяться «долексемный семантический элемент», мы вынуждены принять и то, что семантическая разложимость лексемы и толкуемость — это разные свойства лексемы. Лексема разложима, если в ее составе выделяются семантические компоненты, в том числе и «долексемные». Лексема толкуема, если ее значение представляется в виде толкования, т. е. выражения на естественном языке, которое состоит из лексем данного языка.

3. Дискуссия: семантическая аналогия или метафора?

Закономерен вопрос: нужно ли описывать слово *внимание*, прибегая к понятию аналогии в семантике, особенно — к концептуальной аналогии. Казалось бы, подобные явления естественно представлять как метафору: внимание уподобляется инструменту, концептуализируется как инструмент. Рассмотрим этот подход.

Попытаемся применить к слову *внимание* теорию концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980]. Возможно, в языке имеется базовая метафора ВНИМАНИЕ — ЭТО ИНСТРУМЕНТ, и тогда инструментальная сочетаемость слова *внимание* интерпретируется как проявление данной метафоры. Легко, однако, убедиться в том, что такой базовой метафоры в языке нет. Действительно, концептуальная метафора, во-первых, осознается говорящими — но обсуждаемое представление носителем языка не ощущается. Во-вторых — и это основное, базовая метафора проявляется в многочисленных выражениях и высказываниях с разной структурой и разным лексическим наполнением. Например, метафора ЖИЗНЬ — ЭТО ПУТЬ (ПУТЕШЕСТВИЕ) проявляет себя в лексемах уходящ. *попутчик* (ср. *Попутчики отошли от общего дела в дни реакции*), *вождь*, *предводитель*, в выражениях *жизненный путь* (ср. *окончить жизненный путь, встретить на жизненном пути*), *встретиться на узенькой дорожке, пойти по хорошему <плохому> пути, не искать легких путей, идти прямым путем, идти своей дорогой, их пути разошлись* и т. п., причем примеры легко умножить. Данная базовая метафора может обыгрываться в текстах, ср.: *Наши дороги разные, И перекрестка нет* (Ю. Визбор). Однако предложенный «кандидат в базовые метафоры» ВНИМАНИЕ — ЭТО ИНСТРУМЕНТ проявляется лишь в ограниченном наборе устойчивых сочетаний. Тем самым наличие обсуждаемой базовой метафоры ничем не аргументировано. Остается признать, что в языке ее не существует.

Но возможно, инструментальная сочетаемость слова *внимание* — это проявление стертой, омертвевшей метафоры, не ощущаемой носителями языка? Прежде всего, обратим

внимание на то, что к метафоризации значения способны «оба основных типа однозначных слов — имена предметов и обозначения признаков» [Арутюнова 1990: 296], причем «среди признаков слов — это прилагательные, обозначающие физические свойства («колючий ответ»), описательные глаголы («совесть грызет», «мысли текут») и др.» [Там же]. Ясно, что при метафоризации имени предмета некоторый объект уподобляется этому предмету; ср.: *горло человека, перерезать курице горло и (узкое) горло амфоры; окно комнаты, окно в сад и окно в облаках*. Очевидно также, что при метафоризации некоторого «признака» этот признак уподобляется какому-то другому признаку. Так, в случае метафорического словосочетания *колючий ответ* воздействие на адресата некоторого ответа уподобляется воздействию на человека колючего предмета; а в случае *совесть грызет* воздействие совести уподобляется воздействию «грызть кого-л». Но верно ли, что и сам носитель этого метафоризованного признака уподобляется субъекту признака, взятого в его прямом значении, т. е. ответ уподобляется колючке, а совесть «когтистому зверю» [Там же]?

В большинстве известных нам работ принимается положительный ответ на последний вопрос; см. в особенности [Арутюнова 1976: 93–111; Успенский 1979]⁸. Однако на наш взгляд, такое решение требуется обосновать.

Проблема различения двух типов метафоризации ставится в работе [Зализняк Анна 2006: 57–72], где, на наш взгляд, справедливо утверждается, что в случае «метафоризации признака» (ср. *глубокая печаль, раздавлен горем*) возможны два типа сочетаний, и каждый из них требует своего подхода к описанию. С одной стороны, «прилагательные *глубокий, острый, яркий, сладкий, горький* и т. п. имеют переносные значения (“переносные”) соответствующие физические признаки в нематериальную сферу), и эти значения обычно отмечаются в словарях» [Там же: 59]. «С другой стороны, очевидно, что интерпретация сочетаний типа *раздавлен горем, обрушились несчастья, лопнуло терпение, голос совести* и т. п. будет более эффективна, если ввести в рассмотрение второй план — “материальных заместителей” упомянутых абстрактных сущностей и происходящих с ними наблюдаемых событий (и тем самым никаких переносных значений — по крайней мере, на основании приведенных словосочетаний — у слов *раздавлен, обрушиться* и т. д. усматривать не следует)» [Там же].

Признаки, по которым можно было бы различить эти два типа метафорических сочетаний, в цитируемой работе не обсуждаются. Тем не менее в некоторых случаях интуитивно ясно, что носитель метафоризованного признака действительно уподобляется субъекту признака, взятого в его прямом значении. Так, интуиция подсказывает, что в случае типа *Обрушились несчастья, Его сломило горе, Горе <несчастье> его раздавило горе* и несчастье действительно уподобляется тяжелому материальному предмету: эта метафора вполне ощущается носителем языка. Но в других случаях дело обстоит, скорее всего, иначе. В сознании говорящих совесть вряд ли уподобляется «грызуну» или «когтистому зверю», хотя в языке есть вполне стандартные сочетания *Совесть грызет, Совесть царапает*. Аналогичным образом, по интуиции «авторитет» не уподобляется надутому или полному шару на подставке, хотя в языке есть стандартные сочетания *дутый авторитет, Авторитет пошатнулся, Авторитет рухнул, Авторитет лопнул*. Дело в том, что в данных случаях признак одной сущности уподобляется признаку другой сущности, но сами эти сущности не уподобляются друг другу (т. е. совесть не уподобляется грызуну, а авторитет не уподобляется шару)⁹.

⁸ В работах этого направления ставится задача реконструкции образа предмета, которому уподобляется нематериальная (абстрактная) сущность в метафорических сочетаниях, где метафоризованным является обозначение признака, но не обозначение объекта. В [Успенский 1979] такой реконструируемый образ назван «вещной коннотацией» абстрактного (нематериального) объекта.

⁹ По-видимому, семантика метафорического сочетания может быть устроена и более сложным образом, в частности, внутри данного сочетания возможна одновременно и метафоризация имени предмета, и метафоризация признака, однако этого вопроса мы пока не касаемся.

Вернемся к слову *внимание*. Его лексемы образуют ряд стандартных словосочетаний с метафоризованными глаголами каузации перемещения (движения) или его прекращения, причем многие из данных глаголов в своем прямом значении в современном языке не употребляются. Перед нами стертые метафорические сочетания с метафоризованным обозначением «признака», т. е. с метафоризованным глаголом. Мы попытались обосновать, что соответствующие глаголы в прямом значении могут описывать перемещение инструмента, движение («манипулирование») инструментом. Отсюда еще не следует, что сама абстрактная сущность, обозначаемая словом *внимание*, уподобляется некоему инструменту. Никаких аргументов в пользу такого описания у нас нет. При этом интуиция носителя языка не уподобляет внимание инструменту, а это само по себе служит определенным аргументом в пользу нашего решения¹⁰.

Таким образом, мы вынуждены признать, что специфика слова *внимание* не поддается убедительной интерпретации в терминах метафоры.

Заключение

Предложенное описание структуры полисемии слова *внимание* и значения некоторых его лексем имеет определенную объяснительную силу. Действительно, слово *внимание* — это формально имя действия от глагола *внимать*. В работе продемонстрировано, что, хотя данное существование не имеет набора значений, свойственного именам действий, его сочетаемость до определенной степени предсказывается структурой полисемии «образцового имени действия». Причина в том, что такое имя действия, по аналогии с «образцовыми именами действия», как бы стремится развить такую же регулярную полисемию.

Благодаря действию этой аналогии в структуре полисемии слова *внимание* «намечаются» или «зарождаются» клетки для обозначения инструмента действия, его места и средства¹¹. При этом клетке с инструментальной семантикой соответствует достаточно большое количество устойчивых сочетаний, клетке со значением средства — одно или два сочетания, клетке со значением места — два сочетания. Важно, однако, не количество тех или иных сочетаний, а то, что даже единичные такие сочетания получают системное описание.

Проблема состоит в том, что у *внимания* нет никакого инструмента, как нет и средства или места действия. Следовательно, соответствующие «клетки» в структуре полисемии слова *внимание* заполняются не реальными обозначениями инструмента, средства или места, а чем-то иным: некоей «зарождающейся», «едва намеченной» семантикой, для выражения которой в языке нет лексических средств. Такое «недоразвитое» значение можно обозначить только искусственным символом, например инструментальную семантику слова *внимание* можно обозначить символом <instr>.

В связи с этим предлагается различать два аспекта семантической аналогии. Один ее аспект, или одна из составляющих — это формирование структуры многозначности слова «по образцу» других полисемичных слов. Мы называем данный аспект семантической аналогии полисемической аналогией. Второй аспект семантической аналогии — это формирование той семантики, которая заполняет в структуре многозначности «клетку», возникшую в результате действия полисемической аналогии. В большинстве случаев эта клетка заполняется обозначением реального или хотя бы воображаемого объекта. В случае слова *внимание* ситуация оказывается сложнее: среди наших обыденных представлений нет того объекта или понятия, которое бы соответствовало данной «клетке», и тогда

¹⁰ Подробное обсуждение разных типов метафорических сочетаний и их представления в лингвистическом описании выходит далеко за рамки этой статьи.

¹¹ Такая недоразвитая полисемия отчасти напоминает явление «несостоявшейся полисемии» [Урысон 1998; 2005].

она заполняется «едва наметившимся» значением инструмента (другая подобная клетка заполняется «едва наметившимся» значением средства или места и т. д.). Эту сторону семантической аналогии мы называем концептуальной аналогией.

Действие концептуальной аналогии отчасти подобно действию метафоры. Однако в данном случае метафоризируются лишь предикаты, с которыми сочетается слово *внимание*. Что касается субъекта этих предикатов, т. е. самого внимания, то у нас нет оснований считать, что он уподобляется субъекту этих предикатов в их прямом значении (то есть, например, внимание уподобляется инструменту).

Описанная здесь специфика значения и сочетаемости слова *внимание* не находит отражения в существующих толковых словарях. Так, в [АС] (а это новейший и наиболее подробный толковый словарь русского языка) игнорируется проанализированная выше связь между глаголом *внимать* и существительным *внимание*. В результате семантически вполне прозрачные случаи *Минуточку внимания! Прошу внимания!* трактуются как фразеологические сочетания и выносятся «за ромб» (рассматриваются как фраземы и случаи *центр внимания, в центре внимания, принимать во внимание*). Однако сочетания *обращать внимание, привлекать внимание, отвлекать внимание* описаны как свободные сочетания. Дело в том, что системные связи лексем слова *внимание* внутри языка не всегда имеют прямое отношение к тем обиходным представлениям, которые призвано отразить описание слова в толковом словаре.

Инструментальная семантика слова *внимание* безусловно является частью значения рассмотренных лексем слова *внимание*. Однако постулируемый для выражения этой семантики конструктор «instr» не является компонентом их толкования. Аналогичным образом обстоит дело и с «едва наметившейся» семантикой места или средства других лексем этого слова. Действительно, общепринятый формат толкования не предусматривает использования подобных элементов. В связи с этим встает вопрос о разных способах описания лексической семантики и о совместимости этих способов в едином описании. Обсуждение этого вопроса выходит далеко за рамки предлагаемой работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика (синонимические средства языка)*. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics (Synonymic means of language)]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Апресян 1980 — Апресян Ю. Д. *Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст»*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach. Sdb 1. 1980. [Apresjan Yu. D. *Tipy informatsii dlya poverkhnostno-semanticheskogo komponenta modeli «Smysl ⇔ Tekst»* [Types of information for the surface-semantic component of the Meaning ⇔ Text model]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach. Sdb 1. 1980.]
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах. *Избранные труды*. Т. II: *Интегральное описание языка и системная лексикография*. Апресян Ю. Д. М.: Языки русской культуры, 1995, 466–482. [Apresjan Yu. D. On the language of definitions and semantic primitives. *Izbrannye trudy*. Vol. 2: *Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya*. Apresjan Yu. D. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995, 466–482.]
- Апресян 2001 — Апресян Ю. Д. Значение и употребление. *Вопросы языкознания*, 2001, 4: 3–22. [Apresjan Yu. D. Meaning and usage. *Voprosy Jazykoznanija*, 2001, 4: 3–22.]
- Апресян 2004 — Апресян Ю. Д. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать). *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арutyunovoi*. Апресян Ю. Д. (отв. ред.). М.: Языки русской культуры, 2004, 13–33. [Apresjan Yu. D. Actionality and stativity as latent meanings (chase after *okazyvat'*). *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statei v chest' N. D. Arutyunovoi*. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2004, 13–33.]
- Апресян 2009 — Апресян Ю. Д. *Исследования по семантике и лексикографии*. Т. I: *Парадигматика*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Apresjan Yu. D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii*

- [Studies in semantics and lexicography]. Vol. 1: *Paradigmatika* [Paradigmatics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. *Предложение и его смысл*. М.: Наука, 1976. [Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. Метафора. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1984. [Arutyunova N. D. Metaphor. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- АС — *Активный словарь русского языка*. Т. 1. Апресян Ю. Д. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2014. [*Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [The active dictionary of Russian]. Vol. 1. Апресян Ю. Д. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014.]
- Вандриес 1937 — Вандриес Ж. *Язык. Лингвистическое введение в историю*. М.: Соцэкгиз, 1937. [Vendryes J. *Le langage : introduction linguistique à l'histoire*. Paris: La renaissance du livre, 1921. Transl. into Russian.]
- Виноградов 1953 — Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. *Известия АН СССР. Сер. лит и яз.*, 1953, 12(3): 185–210. [Vinogradov V. V. On some issues in Russian historical lexicology. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1953, 12(3): 185–210.]
- Жолковский 1964 — Жолковский А. К. О правилах семантического анализа. *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Вып. 8. М.: МГПИИЯ им. М. Топеза, 1964, 17–32. [Zholkovskii A. K. On the rules of semantic analysis. *Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika*. No. 8. Moscow: Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 1964, 17–32.]
- Зализняк Анна 2006 — Зализняк Анна А. *Многозначность в языке и способы ее представления*. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Zaliznyak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and ways of its presentation]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006.]
- Иванникова 1966 — Иванникова Е. А. Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами. *Очерки по синонимике современного русского литературного языка*. М.; Л.: Наука, 1966, 69–96. [Ivannikova E. A. Synonymic relationship between phraseological units and words. *Ocherki po sinonimike sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966, 69–96.]
- Курилович 1962 — Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. *Очерки по лингвистике*. Курилович Е. М.: Издательство иностранной лит-ры, 1962, 57–70. [Kuryłowicz J. Lexical derivation and syntactic derivation. *Ocherki po lingvistike* Kuryłowicz J. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1962, 57–70.]
- Кустова 2004 — Кустова Г. И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of linguistic expansion]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Мельчук 1974 — Мельчук И. А. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»*. М.: Наука, 1974. [Mel'čuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ⇔ Tekst»* [An attempt at a theory of Meaning ⇔ Text linguistic models]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Мельчук 1997 — Мельчук И. А. *Курс общей морфологии*. Т. I: *Введение*. Часть первая: *Слово*. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1997. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [Course in general morphology]. Vol. 1: *Vvedenie* [Introduction]. Part 1: *Slovo* [Word]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury; Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 1997.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Покровский 1895/2006 — Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков. М.: УРСС, 2006. [Pokrovskii M. M. Semasiological studies in ancient languages. Moscow: URSS, 2006.]
- САР — *Словарь Академии Российской (1789–1794)*. Т. 1–6. М., 2001–2005. [*Slovar' Akademii Rossiiskoi (1789–1794)* [A dictionary of the Russian Academy]. Vol. 1–6. Moscow, 2001–2005.]
- СД — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 1–5. Толстой Н. И. (ред.). М.: Международные отношения, 1995–2012. [*Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 1–5. Tolstoi N. I. (ed.). Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1995–2012.]

- СУш — *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. [*Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ushakov D. N. (ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1935–1940.]
- Урысон 1995 — Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и «наивная анатомия». *Вопросы языкознания*, 1995, 3: 3–36. [Uryson E. V. Fundamental abilities of man and 'naïve anatomy'. *Voprosy Jazykoznanija*, 1995, 3: 3–36.]
- Урысон 1996 — Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира. *Вопросы языкознания*, 1996, 4: 25–38. [Uryson E. V. Syntactical derivation and the 'naïve' image of the world. *Voprosy Jazykoznanija*, 1996, 4: 25–38.]
- Урысон 1998 — Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке). *Вопросы языкознания*, 1998, 2: 3–37. [Uryson E. V. Linguistic image of the world vs. common-sense ideas. *Voprosy Jazykoznanija*, 1998, 2: 3–37.]
- Урысон 2001 — Урысон Е. В. Союз *если* и семантические примитивы. *Вопросы языкознания*, 2001, 4: 45–65. [Uryson E. V. The conjunction *esli* 'if' and semantic primitives. *Voprosy Jazykoznanija*, 2001, 4: 45–65.]
- Урысон 2003а — Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Uryson E. V. *Problemy issledovaniya yazykovoi kartiny mira* [Problems of the study of linguistic worldview]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Урысон 2003б — Урысон Е. В. Аналогия в семантике. *Русский язык сегодня*. Вып. 2: *Активные языковые процессы конца XX века*. Крысин Л. П. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2003, 257–270. [Uryson E. V. Analogy in semantics. *Russkii yazyk segodnya*. No. 2: *Aktivnye yazykovye protsessy kontsa XX veka*. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2003, 257–270.]
- Урысон 2005 — Урысон Е. В. Логическая структура полисемии и ее реализации (слово *слякоть* в системе языка). *Русский язык в научном освещении*, 2005, 2(10): 87–120. [Uryson E. V. Logical structure of polysemy and of its realization: Russian *sljakot* 'slush'. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, 2(10): 87–120.]
- Урысон 2007 — Урысон Е. В. Многозначное слово СОЗНАНИЕ. *Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина*. Земская Е. А., Каленчук М. Л. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2007, 584–599. [Uryson E. V. The polysemous word SOZNANIE 'mind'. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Krysin. Zemskaya E. A., Kalenchuk M. L. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury*, 2007, 584–599.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. *Опыт описания семантики союзов*. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [An attempt at a description of conjunctions' semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Успенский 1979 — Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных. *Семiotика и информатика*. Вып. 11. М.: ВИНТИ, 1979, 142–149. [Uspenskii V. A. On object connotations of abstract nouns. *Semiotika i informatika*. No. 11. Moscow: All-Union Institute of Scientific and Technical Information, 1979, 142–149.]
- Шапиро 1955 — Шапиро А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов. *Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР*, 1955, 8: 69–87. [Shapiro A. B. Some issues in theory of synonyms. *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznanija AN SSSR*, 1955, 8: 69–87.]
- Kroesch 1926 — Kroesch S. Analogy as a factor in semantic change. *Language*, 1926, 2(1): 35–45.
- Kronasser 1952 — Kronasser H. *Handbuch der Semasiologie*. Heidelberg: Winter, 1952.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Meillet 1926 — Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*. 2-e édn. Paris: Champion, 1926.
- Stern 1931 — Stern G. *Meaning and change of meaning*. Göteborg: Library, 1931.
- Ullman 1964 — Ullman S. *Semantics. An introduction to the science of meaning*. Oxford: Blackwell, 1964.
- Wierzbicka 1969 — Wierzbicka A. *Dociekania semantyczne*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969.